

XVI вв. Отдельные стилистические и технические особенности указывают, возможно, на более узкую дату—XIV—XV вв.

С. Б. СОРОЧАН

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗА КУПЕЧЕСТВОМ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ВИЗАНТИИ VII—IX вв.

В период разложения позднеантичных и формирования новых отношений в Византии продолжало сохраняться представление о любой иногородней, тем более иностранной, торговле как о внешней. Торговец, прибывший из какой бы то ни было местности (*ἄλλος διανεμέται τοῖς ξένοις καὶ χωραῖς*), рассматривался как чужеземец и в соответствии с этим относился к иногородним, купцам (*ἔξωτοις*) или, наравне с иноплеменниками (*εθνῶν*), к торговцам-иностранным (*εθνικοῖς*).

Как правило, отношение к приезжим купцам было самое благожелательное, поскольку от них в известной степени зависели доходы и выгоды, получаемые городом (*Joshua the Stylist. 1182 лл.*). Порой такая забота выражалась на государственном уровне и заключалась в просьбах Византийского правительства к властям иных стран оказать «содействие иноzemным купцам в их возвращении на родину (*Annales Bertinianus*, 2. 839 // MGH. Scriptorium. T 1/1126. P. 159). Среди предсмертных наставлений св. Илариона Грузина эпарху Фессалоники была просьба не оскорблять пришельцев, характерная для общественного сознания византийцев этой эпохи.

Думается, практика государственного наблюдения за внешнеторговыми операциями имела давнюю традицию, эволюционировала и не может быть отнесена, как полагает М. Я. Сюзюмов, к новым установлениям конца IX — X вв. Достаточно вспомнить, что не позже середины VIII в. была введена одна из самых крупных и сложных чиновых должностей империи—*ἄλογοβερτος τοῦ βρότου*, который, в частности, разбирал судебные дела, связанные с иноzemными купцами в Константинополе. Показательно, что для выполнения этих обязанностей требовалось, видимо, «весма ученые» люди (*Theoph. Cont. 1737. p. 353*). За внешней торговлей города следил также эпарх города, которому со временем стало докладывать необходимые сведения специально учрежденное должностное лицо, *1782. τάρχαρτος*, или, правильнее, *λεγατάρχος* (*Suidae Lexicon. 1753. t. 2. p. 1*). Легатарий следил за торговцами и товарами, прибывающими в город, определял каким производственно-торговым союзам, когда и в какой срок эти товары должны поступить для продажи и составлял эпарху списки закупленных приезжими купцами товаров, разрешенных к вывозу. Эпарх и квестор, как судебные чиновники, получали от купцов за судебные разбирательства *έκταχός*, размер которых не был оговорен законом. Кроме того против торговцев из других городов был направлен ряд

ограничений и запретов, преследовавших определенные экономические цели. Прежде всего приезжие обязаны были уплачивать таможенную пошлину и предъявлять в митате все свои товары, которые им следовало стараться как можно скорее продать. Именно поэтому эпарх устанавливал трехмесячный срок, в течение которого «чужие» купцы могли вести куплю-продажу, а легатарий имел право этот срок еще сократить (Кн. Эпарха, V, 5; 2; XX, 2). Видимо, ограничение срока последовало в VII — VIII вв., поскольку до этого времени иногородние торговцы подолгу жили в Константинополе (Логопес москвитин // РГБ. ф.87. №1.2928)

Подобными мерами власти добивались снижения конкуренции и цен, ограничения возможностей для спекуляции со стороны приезжих и общей интенсификации товарооборота.

Прибывшие из других городов могли временно жить, иногда вместе со своим товаром, у знакомых, на частных квартирах или в станоприемных домах, обязательно уплачивая за квартиру и за проживание (*επένδυσις καὶ μοργύ*), даже если продажа их товаров была весьма желательна для властей и освобождалась поэтому от городовых пошлин (Кн. Эпарха, VI, 5). В большинстве торгово-ремесленных центров существовали унаследованные от римских *stationes municipiorum* кварталы или предместья, где под контролем властей селились иноземные купцы вместе с паломниками, духовными лицами, путешественниками, военными, служившими в византийских войсках, дипломатами, пользуясь защитой возникшего в ранней Византии принципа неприкосновенности послов. Судя по житийной литературе такие иностранные торговцы останавливались в Аргирополисе, северной части Константинополя, среди моряков, грузчиков и прочего рабочего люда. В IX в. в столице появляются уже настоящие торговые подворья. Подобные кварталы-колонии существовали и в менее крупных провинциальных городах. Находки древнерусских вещей в домах северного района Херсонеса позволяют предположить, что здесь жили русские купцы и ремесленники. К середине IX в. относится рассказ Жития Константина (Кирилла), видевшего в городе русина с богослужебной книгой, написанной русскими письменами. Это позволяет предположить существование в Херсонесе в это время русской церкви, а значит и подворья, необходимым элементом которого она являлась. Христианство, несомненно, было принято прежде всего теми купцами-русами, которые имели дела с греками.

Следует обратить внимание на известную тенденцию к ограничению свободы торговли с иностранными купцами в Византии, однако имеющиеся искончики не позволяют полагать, что такого рода запреты были повсеместным явлением. Некоторые иноземные купцы старались с помощью разных, в том числе и незаконных, приемов обходить ограничения или получали *μηρεστάρχου*, *μηρούρχου*, который освобождал их, хотя бы частично, от этого «гостинного» права. Так, обычно освобождались от уплаты торговых пошлин купцы, привозившие хлеб, мед и

прочие основные продукты питания, поскольку власти были заинтересованы в бесперебойном снабжении городского населения. Таким же образом прощался приезд восточных купцов, поставлявших метаксу, которой не хватало в империи для шелкового ремесла после потери Сирии и Финикии (Кн. Эпарха, VI, 5). Согласно договорам 867 г. и 907 г. полная свобода торговли и беспошлинная покупка товаров была предоставлена в столице русским купцам, которым не только продлевали срок пребывания до шести месяцев, но и обеспечивали довольствием продуктами и корабельным снаряжением (Повесть Временных лет. М.—Л., 1950 С. 24—25). Болгарские торговцы тоже имели в это время льготы на константинопольском рынке, где им было разрешено продавать свои товары, тут же покупая византийские (Брауматейкъ лѣтъ ѿ мѣсяцъ какъ бѣдешиѣ бѣ Есѣръ вѣдѣи браудѣ-
далъ) (Кн. Эпарха, IX, 6). Видимо, в исключительных случаях, как и прочие привилегии, купцам могла дароваться торговая монополия. Такую монополию на торговлю с болгарами в столице получили в конце IX в. близкие ко двору Льва VI крупные константинопольские купцы Косяма и Ставракий, из-за чего немедленно завязалась конкурентная борьба. Их соперники из числа «корыстных торговых людей», действуя через евнуха Мусика, доверенного лица тестя василеса, Стилиана Зауца, смогли ненадолго добиться перевода торговли с болгарами в Фессалонику и, пользуясь правом монопольных посредников, подняли размер пошлин (Theophr. Concl. p. 352; Cedren. B. 39. T. 292). Однако потеря льгот на столичном рынке оказалась на столько ощущимой для болгарских торговцев, что дала повод царю Симеону начать в 894 г. войну с империей.

Относительная редкость и кратковременность такого рода торговых привилегий в Византии, как и в средневековых странах Западной Европы, видимо, объясняется не столько осторожностью или неспособностью властей в деле организации внешней торговли, сколько тем, что попытки их проведения в жизнь неизменно вызывали скрытый или явный протест со стороны разных заинтересованных сторон. Само по себе создание инфраструктуры регламентирующих правил и контроля византийской внешней торговли указывает лишь на наличие тенденции, но не свидетельствует о полном ограничении ее свободы.

Я. Г. РИЕР

ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РАЗЛИЧИЙ

Поиски исторических закономерностей и их проявлений в различных условиях, всегда актуальные для историков, в наши дни приобрели особое значение. Речь идет о процессах, оказавших несомненное влияние и на наше современное развитие. Сложности изучения процессов раннесредневековой эпохи требуют максимального привлечения всех доступных источни-